

Перекодировать горизонт: о финальной работе Фредрика Джеймисона

АНДРЕЙ
ГЕЛИАНОВ

The Years of Theory: Postwar French Thought to the Present

FREDRIC JAMESON

London; New York: Verso, 2024. – 480 p.

Туда, где однажды реальный дом возвышался,
Просится образ теперь, чистейшее измышление.

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ¹

У нас с друзьями-любителями чтения сложной художественной литературы давно бытует шутка, что постмодернизм в совершенно буквальном смысле продлевает носителю жизнь. И, действительно, даже если взять только американцев, наглядных примеров масса: Уильям Гэсс², Джон Барт³, Роберт Кувер⁴, Томас Пинчон⁵, Джозеф Макэлрой⁶, Дон ДеЛилло⁷ – очень многие как создатели, так и исследователи американской постмод-литературы перешагнули 90-летний рубеж, либо уверенно к нему приближаются.

Андрей Гелианов
(р. 1987) – писатель,
исследователь культуры.

Фредрик Джеймисон (1934–2024) – великий классик культурных исследований, который умер во время подготовки этого текста, – также наглядно подтверждает полшуточный тезис про постмодернистское долгожительство. На 91-м году жизни он выпустил сразу две новые книги. Первая из них, «*Inventions of a Present: The Novel in its Crisis of Globalization*»⁸, посвящена метаморфозам изящной словесности в наше время и заслужи-

1 Рильке Р.-М. *Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи*. М.: Искусство, 1974. С. 348.

2 Уильям Гэсс (1924–2017) – писатель, литературовед и преподаватель философии. На русский язык переведен его главный роман «Тоннель» (1995), написание которого заняло 26 лет (издание на русском 2020 года).

3 Джон Барт (1930–2024) – писатель, в 2024-м на русском вышли два его ранних романа: «Творческий отпуск» (1982) и «Торговец дурманом» (1960).

4 Роберт Кувер (1924–2024) – писатель, основатель Ассоциации сетевой литературы, на русский язык не переводился.

5 Томас Пинчон (р. 1937) – писатель, автор романа «Радуга Тяготения» (1973, русское издание 2012 года). На русский переведены все его книги, кроме двух поздних работ.

6 Джозеф Макэлрой (р. 1930) – писатель, на русский язык переводился только экспериментальный роман «Плюс» (1977, русское издание 2019 года).

7 Дон ДеЛилло (р. 1936) – писатель, на русский переведены семь романов, самый известный – «Белый шум» (1985); в 2022 году его с большими затратами и очень неудачно экранизировали.

8 JAMESON F. *Inventions of a Present: The Novel in its Crisis of Globalization*. London; New York: Verso, 2024.

вает отдельной рецензии. Вторая, которую мы и будем рассматривать, «The Years of Theory: Postwar French Thought to the Present», строго говоря, представляет собой обработанный конспект семинаров Джеймисона 2021 года – он должен был стать только первым этапом в большом интерактивном проекте (подробнее об этом ниже). Вместо этого «The Years of Theory» оказалась последней прижизненной работой Джеймисона. Следуя неумолимым законам функционирования медиа при позднем капитализме (Ф.Д. оценил бы), рецензия на эту книгу теперь обязана превратиться в ретроспективный обзор карьеры и значимости трудов автора, а также поднять вопрос о месте последней книги в его необъятном наследии, оставленном за шестьдесят лет работы. Постараемся сделать это, прекрасно осознавая всю колоссальную сложность задачи.

ЧЕЛОВЕК РЕНЕССАНСА

Фредрик Джеймисон всегда был крупнее и масштабнее своего читателя. Он принадлежал к почти уже вымершей породе гуманитарных ученых-гигантов (вроде Клода Леви-Стросса и Гарольда Блума, которые упоминаются и цитируются в рассматриваемой книге), в ренессансном духе интенсивно и плодотворно интересовавшихся сразу многими областями жизни и культуры – более того, способных уверенно в них ориентироваться и придавать понятию «интердисциплинарных исследований» его подлинный смысл, а также оставивших значительные труды в каждой из областей своего интереса. Некролог в «The New York Times»⁹ сообщает, что Джеймисон «привносил свою строгую, острую марксистскую критику в такой широкий диапазон предметов, как немецкая опера, научно-фантастические фильмы и дизайн роскошных отелей». Добавим от себя: архитектура, живопись, антропология, лингвистика, феминизм, доскональное знание философии экзистенциализма и культуры модерна.

Основными областями интереса для Джеймисона, помимо собственно литературы (а ведь формально он считался всего лишь «литературным критиком!»), были марксизм, психоанализ и глобальные изменения – сознания, языка, культуры, теории, политики – под влиянием позднего капитализма. Ученый оставил множество интересных находок, которые теперь широко применяются в самых разных областях теории. Например, в 1971-м он сформулировал концепт «исчезающего посредника» (*vanishing mediator*) – идею, симптом, стиль или даже по-

9 См.: www.nytimes.com/2024/09/23/books/fredric-jameson-dead.html.

литическую организацию, которые существуют ровно столько, сколько требуется, чтобы от одного состояния системы перейти к другому – после чего исчезают или (гораздо чаще) превращаются в нечто, не имеющее отношения к исходнику.

В 1981-м Джеймисон написал книгу «The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act», которая многими считается одним из сильнейших или даже самым сильным его произведением. В этой работе, используя лакановские и марксистские теории в качестве инструментов, Джеймисон, в частности, доказывает, что критики как таковой (и в литературе, и в теории, и в политике) по большей части не существует. Значительная масса критических высказываний (рецензий, интерпретаций, пересказов, заимствований) представляет собой *перекодировку* текстов в более простую и понятную форму, которая близка собственным взглядам интерпретатора. Наверное, тот, кто хотя бы раз пытался объяснить незнакомым людям в интернете какие-либо сложные концепции, наблюдал, как они лихо навешивают упрощающие ярлыки на понятные им составные части, непонятное отбрасывают и дальше используют уже не собственно тезис, а то, что сами смогли из него понять (чаще всего неправильно). В этом нет ничего нового, это известно с древних времен, а в новейшие Карел Чапек¹⁰ в «Двенадцати приемах литературной полемики» каталогизировал его под номером 6, «Imago»:

«Опровергаются мысли, которые противнику никогда и не приходили в голову и которых он, естественно, никогда не высказывал; ему показывают, что он болван и глубоко заблуждается, приводя в примеры действительно глупые и ошибочные тезисы, которые, однако, не принадлежат ему».

В англоязычном мире это явление более известно как «соломненное чучело» – *strawman fallacy*, – а новизна аргумента Джеймисона состоит в том, что, похоже, из некой разновидности *strawman fallacy* состоит большая доля «критической культуры» как таковой. Поэтому, когда нам кажется, что мы что-то поняли, с весьма высокой вероятностью это не так – мы просто провели аналогию или аллегоризировали явление. Аналогичные мысли в 1966-м высказывала Сюзан Сонтаг в своей дебютной книге с красноречивым названием «Против интерпретации»:

«Интерпретация – это радикальное средство сохранить путем перекройки старый текст, который является весьма ценным, чтобы от него отказаться. Интерпретатор, фактически не уничтожая и не переписывая текст, изменяет его. Но он не может в этом сознаться.

10 Карел Чапек (1890–1938) – классик чешской литературы, фантаст, сатирик, автор термина «робот».

Он утверждает, что всего лишь делает его понятным, раскрывая его настоящий смысл»¹¹.

Сам Джеймисон избегает оценочных суждений относительно этого процесса, который скорее всего неизбежен в силу ментальной энтропии по мере фиксации и распространения мыслей. Вместо этого в «The Political Unconscious» он работает над тем, чтобы каталогизировать примеры таких когнитивных искажений, и предлагает «стратегии сдерживания» подобных интерпретаций, в результате которых создается иллюзия понимания непонятого (см., например, воспринимаемую крайне серьезно далекими от литературы людьми шутку Борхеса, что «существуют всего четыре сюжета»).

Когда нам кажется, что мы что-то поняли, с весьма высокой вероятностью это не так – мы просто провели аналогию или аллегоризировали явление.

Но почему подобное в принципе происходит? Только ли в энтропии дело? Джеймисон выдвигает тезис, что *потенциал интерпретаций содержится в самих текстах* (так как их написало наше мышление) и они неизбежно происходят в какой-то момент по принципу сведения усилий к минимуму и возвращения к знакомым паттернам. Таким образом проявляется «фундаментальное измерение нашего коллективного мышления и наших коллективных фантазий об истории и реальности»¹².

В поздний период своего творчества, уже перешагнувший за 70 исследователь не потерял живости ума и продолжал увлекаться самыми разными культурными явлениями: от анализа утопических¹³ мотивов в популярном полицейском сериале «Прослушка»¹⁴ до подробного обзорного материала по истории схематической визуализации мыслительных процессов от Иммануила Канта до Жюлья Делёза, Мишеля Фуко и Жана-Франсуа Лиотара¹⁵.

11 СОНТАГ С. *Против интерпретации и другие эссе*. М.: Ad Marginem, 2014, С. 10.

12 JAMESON F. *The Political Unconscious: Narrative as Socially Symbolic Act*. Ithaca: Cornell University Press, 1981. P. 10, 34, 116.

13 Можно сказать, что Утопия и возможности/проблемы ее построения были любимым мотивом позднего Джеймисона, этому посвящена масса текстов, см., например: ИДЕМ. *Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fiction*. London; New York: Verso, 2007; ИДЕМ. *Why Socialists Need Utopias* // Jacobin. 2023. January 20 (<https://jacobin.com/2023/01/frederic-jameson-utopia-socialism-communism-revolution>); ИДЕМ. *The Politics of Utopia* // New Left Review. 2004. № 25 (<https://newleftreview.org/issues/ii25/articles/frederic-jameson-the-politics-of-utopia>); ИДЕМ. *An American Utopia* // *An American Utopia. Dual Power and the Universal Army*. London; New York: Verso, 2016.

14 ДЖЕЙМИСОН Ф. *Реализм и утопия в сериале «Прослушка»* // Логос. 2013. № 3. С. 37–55.

15 JAMESON F. *Schematizations, or How to Draw a Thought* // Critical Inquiry. 2023. Vol. 50. № 1. P. 31–53.

Все это русскоязычному читателю по большей части совершенно неизвестно (и, судя по всему, вряд ли когда-нибудь станет интересно). В российском культурном пространстве Джеймисона знали почти исключительно как автора книги «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма»¹⁶ (1991), причем в отсутствие ее перевода, больше по отсылкам и возражениям в других книгах – например, вокруг такой полемики построена большая часть переведенного гораздо раньше «Капиталистического реализма» Марка Фишера.

Саму же книгу, один из главных трудов по исследованию современного состояния культуры, созданную одним из главных ее исследователей, на русском языке издали только в 2019 году тиражом в одну тысячу экземпляров. Разумеется, в тот момент книга почти тридцатилетней давности уже безнадежно запоздала для осмысления, утратила актуальность и представляет собой только археологическую ценность. Ведь так?

Именно об этом поначалу нам пытается рассказать в предисловии¹⁷ Александр Павлов, который к тому же выдвигает смелый тезис: постмодернизм «закончился». Правда, уже через несколько страниц, оказывается, что все не так просто – и что на постсоветском пространстве постмодернизм как феномен вообще не был понят и (добавим от себя) превратился в итоге вместо термина, обозначающего какие-то конкретные вещи, скорее в ругательный ярлык, который наклеивают на все непонятное и тревожащее.

Насколько уникальна для постсоветского пространства эта ситуация непонимания и неспособности (нежелания?) понять явление постмодернизма при полной *de facto* в него погруженности на уровне культуры, быта, политики? В определенном смысле уникальна. Перефразируя самого Джеймисона (оригинальная фраза в «Постмодернизме» была про американских интеллектуалов и европейский опыт Второй мировой): постсоветские интеллектуалы в массе своей не обладали тем историческим опытом, который дал бы им достаточную квалификацию, чтобы судить о социальных и культурных процессах, которые сделали возможным феномен постмодернизма.

Действительно, откуда подобному опыту было взяться? Советский/постсоветский человек практически сразу из периода «*Gesamtkunstwerk* Сталин»¹⁸ через постоттепельные комедии

16 Джеймисон Ф. *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М.: Издательство Института Гайдара, 2019 (далее при цитировании – «Постмодернизм»).

17 Там же. С. 7–57.

18 Эссе «*Gesamtkunstwerk* Сталин» искусствоведа Бориса Гройса было написано в 1987 году и с тех пор стало хрестоматийным при всей очевидной сегодня спорности его основных тезисов, см., например: Плунгян Н.

Леонида Гайдая шагнул к «чернухе» второй половины 1980-х, а затем сразу в 1990-е – к Александру Бренеру, который выгуливает на поводке Олега Кулика, каналу MTV и нескончаемому договорному рэп-баттлу Виктора Пелевина с Владимиром Сорокиным. Ни времени, чтобы отрефлексировать такой резкий, беспрецедентный в истории экзистенциально-экономически-культурный переход, ни теоретических, ментальных и языковых средств для такой рефлексии у постсоветского человека не было. Сейчас, благодаря хотя бы частичному переводу важнейшего корпуса западной гуманитарной литературы, можно сказать, что эти средства есть, но толку от них уже нет – окно для рефлексии было упущено на десятилетия, что и сделало возможным бессмысленный, но объяснимый всеобщий ресентимент, который можно наблюдать в России и некоторых сопредельных странах.

«Постмодернизм» Джеймисона вышел в ноябре 1990 года (в самой книге был указан 1991-й), за год до распада Советского Союза, который, получается, закончился примерно в тот же момент, когда – как на тот момент казалось – начинал заканчиваться и постмодернизм. Разумеется, на самом деле ничего не закончилось – а просто изменилось, перейдя в гораздо более угрожающую и тотальную фазу, которую для подчеркивания ее экономически-удушающего аспекта Марк Фишер в ноябре 2009 года, ровно через 19 лет после выхода книги Джеймисона, назовет *капиталистическим реализмом*.

МАРКС ФИШЕР

В одноименной 80-страничной брошюре¹⁹, которая воспитала целое поколение юных культурных марксистов (в большей степени от *Марка*, чем от Маркса), имя Фредрика Джеймисона упоминается 27 раз во всех ключевых местах текста. В первый раз оно появляется уже в третьем абзаце, когда Фишер формулирует самое меметически мощное высказывание своего труда (здесь и далее курсив в цитатах мой):

«Когда мы смотрим “Дитя человеческое”, вспоминается фраза, приписываемая Фредрику Джеймисону и Славою Жижекю: *“Легче вообразить конец света, чем конец капитализма”*. Этот лозунг схватывает именно то, что я имею в виду под выражением “капиталистический реализм”, а именно: широко распространенное ощу-

Gesamtkunstwerk Гройс // Неприкосновенный запас. 2018. № 6(122). С. 214–225. В своей работе Гройс предлагал радикально поменять точку зрения на отношения художественного авангарда начала XX века и тоталитаризма и вместо традиционного противопоставления «свободный художник – подавляющий его безыскусный тиран» увидеть между ними прямую преемственность на примере советского проекта.

19 Фишер М. *Капиталистический реализм. Альтернативы нет?* М.: Ультракультура 2.0, 2010. С. 12.

щение не только того, что капитализм является единственной жизнеспособной политической и экономической системой, но и того, что теперь невозможно даже вообразить непротиворечивую альтернативу ему».

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
ПЕРЕКОДИРОВАТЬ
ГОРИЗОНТ...

Фишер избегает указывать на точный источник цитаты, потрудиться с точной атрибуцией пришлось и автору этих строк. По-видимому, исходным материалом для афоризма послужил вот этот абзац из авторского предисловия к книге Джеймсона «The Seeds of Time»²⁰:

«Кажется, сегодня нам куда легче представить себе всеобъемлющее ухудшение состояния земли и природы, нежели крах позднего капитализма; возможно, тому виной слабость нашего воображения. Я пришел к мысли, что слово “постмодерн” следует зарезервировать как раз для подобных размышлений».

Последнее предложение представляет крайний интерес, поскольку речь идет, судя по всему, об одном и том же явлении (описанном с немного разных сторон и с поправкой на время), о котором Джеймсон говорит в «Постмодернизме», а Фишер – в «Капиталистическом реализме». Любопытно также, что, хотя Фишер в своей книге берет такую интонацию, будто вступает с Джеймсоном в полемику, он каждый раз фактически соглашается со всеми его основными тезисами, указывая лишь, что за двадцать лет ситуация радикально изменилась – разумеется, в худшую сторону:

«В конечном счете, есть три причины, по которым “постмодернизму” я предпочитаю термин “капиталистический реализм”. В 1980-х²¹, когда Джеймсон впервые выдвинул свой тезис о постмодернизме, существовали, по крайней мере номинально, некоторые альтернативы капитализму. Теперь же мы имеем дело с более сильным и гораздо более устойчивым чувством истощения, культурного и политического бесплодия. [...] Джеймсон заметил, что лакановская теория шизофрении предлагает нам “мощную эстетическую модель” понимания фрагментации субъективности, сталкивающейся с развивающимся промышленно-развлекательным комплексом. Джеймсон пришел к выводу о том, что “при крушении означущей цепочки шизофреник сводится к опыту чистых материальных означущих, или, другими словами, серий чистых и не связанных друг с другом моментов настоящего”. [...] Конечно, Джеймсон согласился бы с тем, что “недоверие к метанарративам” – это выражение “культурной логики позднего капитализма”, следствие переключения на постфордистский способ накопления капитала. [...] Когда] культура оказывается погруженной в чрезмерную

20 JAMESON F. *The Seeds of Time*. New York: Columbia University Press, 1996. P. 12.

21 Не ошибка, книга Джеймсона началась со статьи под тем же названием, опубликованной в 1984 году в «New Left Review».

ностальгию, она предается воспоминаниям, не будучи способной породить что-нибудь действительно новое. Возможно, предложенное Джеймисоном определение и исследование этой темпоральной антиномии – его наиболее ценный вклад в понимание постмодернистской и постфордистской культуры»²².

Здесь, наверное, время вернуться к поставленному ранее вопросу об уникальности непонимания постмодернизма на постсоветском пространстве. Теперь мы дадим на него противоположный ответ – хотя в определенном смысле ситуация для русскоязычного мира сложилась беспрецедентная. Непонимание истинной сути постмодернизма (по Джеймисону и Фишеру) это, увы, мейнстрим и для западного мира в целом.

Постсоветское непонимание представляет собой в этом случае лишь вариацию непонимания глобального: в каждом из кейсов это происходит по-своему, с использованием уникальных деталей для сборки и техник их соединения в языке и голове, но по одинаковым в целом чертежам – то самое *перекодирование*, описанное Джеймисоном в «The Political Unconscious», которое превращает сложное, масштабное и непонятное в понятное, уютное и тривиальное. Его можно затем, например, отторгнуть или положить в понятный культурно-эстетический ящик и забыть, игнорируя то, что постмодернизм / капиталистический реализм ни в какой ящик не помещается, а продолжает быть зловещим тотальным принципом овеществления и превращения всего подряд в *ценность*, руководящую сегодня повседневностью любого жителя западной цивилизации.

Одно из таких уютных непониманий – к примеру, восприятие постмодернизма исключительно как *культурного* или даже только *литературного* явления при полном игнорировании тектонических экономических и социальных сдвигов, которые его породили, фактически сведение его просто к *моде*, которая пройдет или даже уже прошла (в последнем случае изобретаются всяческие фантомные «метамодернизмы», которые якобы положили конец порочной постмодернистской культурной практике). Это заблуждение удивительно устойчиво – особенно в русскоязычном пространстве, – несмотря на то, что оно опровергается как просьбой к собеседнику дать определение постмодернизма, так и указанием на то, что все приписываемые ему литературные признаки (ирония, пастиш, отсылочность, спичность, лоскутность, смешение жанров, метатекстуальность) – и по отдельности, и в совокупности – давно присутствовали в (западной) культуре. Как минимум – с Возрождения («Гаргантюа и Пантагрюэль»), а далее идет второй том «Дон Кихо-

22 Цитаты из глав 1, 4 и 7 «Капиталистического реализма» (с. 20, 52 и 106).

та», «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» и далее, и далее, не говоря уже про непосредственно хронологически предшествовавшие постмодернизму произведения высокого модерна – «Мерфи» Сэмюэля Беккета, «Человека без свойств» Роберта Музиля, ранних сборниках Хорхе Луиса Борхеса.

При *литературном* анализе постмодернизма принято практически за негласное правило не учитывать политэкономические факторы – если только, к примеру, «пародия на общество потребления» не объявляется сама по себе очередным признаком литературного постмодернизма, да и пародия эта уже давно стала еще одним составным кирпичиком успешных бестселлеров общества потребления вроде «99 франков» Фредерика Бегбедера или «Карты и территории» Мишеля Уэльбека.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
ПЕРЕКОДИРОВАТЬ
ГОРИЗОНТ...

ОТРАВЛЕНИЕ ГАЛЛАМИ

К слову о французах: постсоветскому человеку отдельно «повезло» еще и в ключе почти полной «забитости» дискурса только их именами при полном незнании американских или британских исследователей, разбор чего занимает немалую часть предисловия к русскому переводу «Постмодернизма» Джеймисона:

«Представления о постмодернизме как философском течении связаны у нас [исключительно] с французскими философами... В качестве наиболее показательного примера возьмем учебник “История философии”, подготовленный сотрудниками философского факультета МГУ им. Ломоносова... хотя в главе можно встретить упоминание множества имен, подробно они не рассматриваются, а в списке чтения из первоисточников – Лиотар, Фуко, Мерло-Понти, Деррида, Кристева, Делёз, Гваттари, Бодрийяр»²³.

Далее для иллюстрации понимания постмодернизма в России автор предисловия к Джеймисону анализирует текст «Куда катится философия?!», написанного создателем учебника «Социальная философия» Иваном Гобозовым:

«Обращение автора к тексту “Интеллектуальные уловки” очень показательно. В книге действительно содержатся резкие критические оценки взглядов французских философов, правда, с “научных позиций”. Критика ученых строится главным образом на комментировании цитат, вырванных из контекста. [...] Еще более проблематично то, что исходя из ограниченности критики Сокала и Брикмона формируется взгляд, будто постмодернизм – это прежде всего французские философы, не раз упоминаемые выше»²⁴.

23 *Постмодернизм*. С. 12–13.

24 Там же. С. 15.

Отметим, что тенденция заведомо-декларативного отказа осмыслять уже дважды неправильно понятый/перекодированный *постмодернизм* (как явление чисто гуманитарно-«философское» и как чисто французское) достигает апогея в повести Виктора Пелевина «Македонская критика французской мысли» (2003) – и пусть читателя не обманывает, что это пишет по сюжету рехнувшийся персонаж:

«Что касается Жана Бодриера [*sic!*], то в его сочинениях можно поменять все утвердительные предложения на отрицательные без всякого ущерба для смысла. Кроме того, можно заменить все имена существительные на слова, противоположные по значению, и опять без всяких последствий. И даже больше: можно проделать эти операции одновременно, в любой последовательности или даже несколько раз подряд, и читатель опять не ощутит заметной перемены».

Комментировать, как говорится, только портить. Наше – ставшее весьма объемным – предисловие необходимо не только для того, чтобы ввести читателя в курс основных достижений Фредрика Джеймисона и обрисовать то грустно-бесплодное интеллектуальное поле, на котором его до сих пор адекватно не прочитали, но для того, чтобы обрисовать контекст «The Years of Theory».

Попытки осмыслить постмодернизм как чисто литературное или сугубо философское явление заведомо бесплодны, поскольку не учитывают «слона в комнате» – колоссальные социальные сдвиги, вызванные во второй половине XX века поздним капитализмом, или капиталистическим реализмом.

Может показаться, что фокусировка Джеймисона на французских-шестидесятниках в чем-то противоречит сказанному выше – но это не так. Суть того, что мы стремились показать, – попытки осмыслить постмодернизм как чисто литературное или сугубо философское явление заведомо бесплодны, поскольку не учитывают «слона в комнате» – колоссальные социальные сдвиги, вызванные во второй половине XX века поздним капитализмом, или капиталистическим реализмом. А именно социальное и человеческое интересовало французов в 1960-е больше всего.

ПРОБЛЕСК УТОПИИ

Возвращение к послевоенным годам для Джеймисона, который особенно в последнее время был заинтересован темой Утопии

и того, когда и как именно мы ее потеряли, выглядит максимально логичным финалом его работы.

1960-е были годами, когда мы, люди, носители мысли и культуры, впервые поняли, как влияет на нас то, что мы делаем, и как *способы делания* и выбранная оптика меняют результат – речь в первую очередь про «Археологию знания» (1969) и другие работы Мишеля Фуко, коллективный «Языковой поворот» (1967) и «Смерть автора» (1967) Ролана Барта, «Общество спектакля» (1967) Ги Дебора, не говоря уже о сотнях других фундаментально важных гуманитарных открытий – большую часть которых Джеймисон перечисляет и осмысляет в своей последней книге. Условную черту под этой эпохой невероятного мыслительного изобилия можно подвести в 1980 году, когда погиб Ролан Барт, завершились лакановские семинары и вышел второй том «Анти-Эдипа» Жюлья Делёза и Феликса Гваттари.

1960-е и в меньшей степени 1970-е были годами масштабной деконструкции и реконструкции всего – от языка и искусства до социальных институтов и образа жизни в целом. Это была эпоха истинного возникновения постмодерна, но не в описательном или ругательном смысле, а в самом прямом: модерн заканчивается, когда мы *овладеваем техникой* (в широком смысле, по Хайдеггеру) и понимаем, что она делает. В данном случае техникой был язык, в частности, письменность/знаковость, способность очертить и варьировать парадигмы мысли.

Революция провалилась: вместо того, чтобы перестроиться в Утопию, общество – не только французское, но и британское, американское – выбрало новый вариант консерватизма и консюмеризма. Фишер помещает точку слома надежд и полной победы капиталистического реализма всего несколькими годами позже, когда Маргарет Тэтчер победила в противостоянии с бастующими шахтерами (1984–1985) и сломала хребет рабочему движению Британии.

«То, что “новые социальные движения” являются постмодернистскими, поскольку они суть эффекты и следствия “позднего капитализма”, – это едва ли не тавтология, которая не несет никакой оценочной функции. То, что порой называют ностальгией по классовой политике прежнего типа, в целом является скорее просто “ностальгией” по политике как таковой: учитывая, что периоды интенсивной политизации и последующие периоды деполитизации и отступления списываются с модели больших экономических циклов бума и спада деловой активности, называть такое чувство “ностальгией” верно примерно в том же смысле, в каком предобеденный голод можно назвать “ностальгией по еде”»²⁵.

25 Постмодернизм. С. 640.

Почему 90-летний Джеймисон в последней работе решил вернуться в бурные годы своей молодости? Может быть, потому что для нас *новое* все еще находится в прошлом, а не в будущем. В будущем, о чем позаботился капиталистический реализм, нас ждет только *то же самое*, которое будет усиливаться, а также искаженное образ-прошлое, которому дозволено воскресать с целью монетизации только в виде постмодернистской пародии или ресентимента.

Мы как цивилизация не проработали то, что было открыто французскими гениями в 1960-е, и каждое следующее поколение вынуждено мучительно открывать это для себя заново в сильно упрощенном виде через поп-культуру и объяснения на карточках. Возьмем на себя даже смелость сказать, что, несмотря на то, что их имена на слуху и активно используются для неймдроппинга, ни Фуко, ни Делёз, ни Барт, ни Джеймисон по сути *до сих пор не прочитаны*.

1960-е и 1970-е были годами масштабной деконструкции и реконструкции всего – от языка и искусства до социальных институтов и образа жизни в целом. Это была эпоха истинного возникновения постмодерна: модерн заканчивается, когда мы овладеваем техникой и понимаем, что она делает. В данном случае техникой был язык.

Как однажды отметил Джеймисон, постмодернизм пришел *слишком рано*. Мы только сейчас доросли до того, чтобы вообще понять, что это такое. Возник колоссальный разрыв между поп-культурой, которая ассимилировала это в себя, и способом восприятия обывателя, который – через ту же поп-культуру – легко впитал цинизм и мозаичность, фрагментарность калейдоскопа, но не приобрел никаких метазнаний, способов познания мира и себя самого, а просто дефрагментировался в своем исходном виде. Вместо эволюции произошла деградация. Джеймисон писал об этом еще четверть века назад:

«Вся наша современная социальная система мало-помалу начала терять способность сохранять собственное прошлое и стала жить в постоянном настоящем и непрерывных изменениях, которые стирают традиции»²⁶.

26 JAMESON F. *The Cultural Turn: Selected Writings on the Postmodern, 1983–1998*. London; New York: Verso, 1998. P. 123.

Только если мы вернемся к основам и попытаемся охватить, что было открыто и заложено *тогда*, если мы применим это к нашему праксису, к взаимодействию с миром вокруг, мы сможем осознать феномен великой эпохи и попытаться заявить свои права на открытые, но брошенные и утраченные возможности, пусть и с опозданием на шестьдесят лет. Таков путь, предложенный Джеймисоном в «The Years of Theory».

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
ПЕРЕКОДИРОВАТЬ
ГОРИЗОНТ...

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ФОРУМ

Немного об обстоятельствах возникновения этой книги. Семинары, которые легли в ее основу, Джеймисон провел удаленно зимой–весной ковидного 2021-го для студентов и аспирантов Университета Дьюка (США, Северная Каролина) – частного учебного заведения, в котором он преподавал с 1985 года и до последних дней своей жизни. Именно в типографии этого университета за тридцать лет до семинаров Джеймисон напечатал «Постмодернизм» – сегодня эта книга остается самой популярной и востребованной публикацией в двухвековой истории Дьюка.

Некоторое время семинары, насколько можно понять, лежали «на полке», пока весной 2023 года журнал «Critical Inquiry»²⁷ не предложил автору использовать этот материал для онлайн-форума, в рамках которого гуманитарные исследователи полемизировали бы с высказанными на семинарах идеями Джеймисона или развивали их, а он бы публиковал свои ответы. (Все это в формате эссе, а не обычных сетевых постов или комментариев, то есть результат должен был стать чем-то вроде философской переписки эпохи Просвещения.)

Джеймисон, по словам создателей проекта, ухватился за идею с большим энтузиазмом, но, к сожалению, не дожил всего двух недель до начала форума: он умер 22 сентября 2024 года, а первые эссе-реплики в «Critical Inquiry» начали публиковаться 5 октября²⁸. Полноценного диалога не получилось, биология победила Логос, но подготовленная для проекта книга «The Years of Theory» осталась с нами – она вышла из печати 8 октября, к запланированному началу онлайн-полемики.

Литературный критик Джонатан Каллер, который открыл дискуссию в «Critical Inquiry» текстом «Jameson Stands Alone»²⁹, в первом же абзаце метко характеризует уникальность книги:

27 Основанный в 1974 году междисциплинарный ежеквартальный журнал, публикующий писателей, художников и ученых в области гуманитарных наук. В 2011 году перешел в формат онлайн-блога, сохранив, впрочем, и печатную версию.

28 См.: <https://critinq.wordpress.com/2024/10/10/book-forum-fredric-jamesons-the-years-of-theory/>.

29 См.: <https://critinq.wordpress.com/2024/10/07/jameson-stands-alone/>.

«Учитывая, что о французской теории написаны тысячи страниц, поражает, что “Годы теории” Фредрика Джеймисона стоят особняком. Существует множество книг о современной критической теории в целом, о структурализме и/или постструктурализме, а также об отдельных теоретиках, но, насколько мне известно, нет ничего [сопоставимого] в плане охвата теоретического движения во Франции с середины 1940-х и до начала XXI века».

Хотелось бы добавить собственные впечатления. Джеймисон принял мудрое решение, отказавшись редактировать под книжный формат тексты состоявшихся семинаров (которые он успел вычитать и снабдить примечаниями, иногда довольно забавными). Эффект получился очень неожиданный и приятный: перед нами живой человек, добрый, веселый, лишенный какой-либо желчи, бесконечно эрудированный и воспроизводящий по памяти сложнейшие логические конструкции (а Джеймисону на момент проведения семинаров было без малого 87 лет).

Он жизнерадостно острит про погоду («Надеюсь, вы все переживете этот ледяной шторм!», р. 171), про COVID-19 («эти чумные годы»³⁰, р. 4), использует непереносимое «Меня слышно?» при начале звонка в зуме как повод поговорить о структуралистском *double inscription*³¹ («Предположим, что “Меня слышно?” [в наши дни] означает [то же самое, что] “Доброе утро”. Вы можете переводить с одного кода на другой, и, говоря об этом, мы могли бы также начать [сегодняшний семинар] с темы кодов», р. 133), отпускает колкости в адрес университетских бюрократов («Когда я при случае пытаюсь объяснить [важность теории], к примеру, попечителям этого университета, никто никогда не понимает, о чем я вообще говорю», р. 145). В какой-то момент, что кажется совсем внезапным, Джеймисон даже шутит про Дональда Трампа, сравнивая его с Мао Цзэдуном начала «культурной революции».

«Не думаю, что [Трамп] когда-либо читал все эти весьма занимательные сочинения, но по сути перед нами тот самый приказ об огне по штабам³². Ты выводил своих последователей на улицы, чтобы они уничтожили твое собственное учреждение, откуда тебя изгнали» (р. 176).

Потом, правда, смотришь на дату в конце семинара и понимаешь, что он происходит в феврале 2021-го, всего через месяц

30 По всей видимости, Джеймисон отсылает к роману «Дневник чумного года» (1722) Даниэля Дефо, написанному в стиле, если можно так выразиться, *автофикшн* на основе дневников дяди автора, Генри Фо.

31 Кажется, у этого термина нет устоявшегося русского перевода.

32 «Огонь по штабам» – лозунг Мао, написанный в его первом дацзыбао, который провозглашал прямую диктатуру пролетариата и положил в 1966 году начало периоду «культурной революции». В результате этих событий были убиты около миллиона человек и уничтожена немалая часть историко-культурного наследия Древнего Китая. Сегодня компартия КНР официально считает «культурную революцию» «большой ошибкой» (статья Си Цзиньпина в газете «Цюши» от 1 апреля 2019 года).

после штурма трампистами Капитолия³³. Наверное, хорошо, что до повторения дурной истории под названием «Трамп-президент» Джеймисон уже не дожил.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
ПЕРЕКОДИРОВАТЬ
ГОРИЗОНТ...

Вводный курс золотоискателя

Итак, о чем эта книга? Правильно будет сказать: обо всем. Это уникальный, возможно, единственный в своем роде курс по введению во все важные гуманитарные концепты второй половины XX века – философские, лингвистические, социокультурные, – изложенные максимально простым (но не *упрощающим*) языком и рассмотренные, что особенно важно, в их взаимосвязи и в отношении к сдвигам политических, экономических и социокультурных парадигм, на которые охваченный период был щедр.

Джеймисон прекрасно разбирается во всем, о чем бы ни говорил: Роман Якобсон, Клод Леви-Стросс, Юлия Кристева, Ролан Барт, Мишель Фуко, даже такой темный и неоднозначный мыслитель, как Жак Лакан³⁴, – все в его мягкой эрудированной оптике превращаются в понятные фигуры, которые развивали то-то и то-то, были связаны с тем и с этим. При этом неоднократно в ходе семинаров Джеймисон настаивает, что его курс нельзя считать чем-то самоценным и исчерпывающим, но только – пролегоменами к дальнейшим собственным изысканиям тех, кого заинтересовали эти имена и идеи:

«Этот семинар не предлагает [вам] некую единую “теорию поля”³⁵ в ответ на текущую ситуацию; его цель – продемонстрировать тем, кто никогда с этим не сталкивался, всю интенсивность и оригинальность проблем, поднятых в те старые “годы теории”» (р. 5). «Что же мы от всего этого [от семинаров] получим? Ну, по крайней мере у нас будет более обширный нарратив. Вам может не понравиться провести ночь, читая некоторых [из этих авторов]. Вам могут вообще не понравиться некоторые из них. Некоторые из них вам, впрочем, понравятся. А для интеллектуалов «нравиться» означает «интерес». Вам будут интересны некоторые из них, а

- 33** 6 января 2021 года толпа протестующих, вдохновленных риторикой проигравшего президентские выборы Дональда Трампа, ворвалась в здание Конгресса США в Вашингтоне. В результате погибли пять человек, были ранены 138. Впоследствии 467 нападавших были приговорены к тюремным срокам. Против Трампа также выдвинули обвинения, но он, став победителем президентских выборов, по-видимому, не понесет наказания как минимум до 2029 года.
- 34** Жак Лакан (1901–1981) – одна из самых влиятельных и при этом самых спорных фигур в истории психоанализа. Лакан почти ничего не написал, но с 1951-го по 1980 год проводил в Париже семинары, ставшие «кузницей» французских интеллектуальных кадров. В разные годы эти семинары посещали практически все известные личности, упоминающиеся в книге Джеймисона.
- 35** В физике «классическая теория поля» объединяет классическую электродинамику (теорию электромагнитного поля), теорию гравитационного поля, а также теорию классических калибровочных и спинорных полей.

другие – нет. Те, которые вам интересны, я надеюсь, сподвигнут вас к дальнейшим исследованиям, а что касается тех, которые вам неинтересны, вы по крайней мере узнаете, кто они, почему их враги были их врагами, что с ними не так и какую роль они играли в этот период великой распри» (р. 22).

Джеймисон также очень структурно ясно дает понять: это не энциклопедия, а краткий путеводитель (от себя хочется добавить – для растерянных³⁶):

«Я согласен, что мы имеем тут дело с довольно сложными предметами. Но помните, что наша задача – не столько вдаваться во все это подробно, сколько *идентифицировать и описать*. Имена и номера всех игроков [на поле]. Это как туристическая поездка, в которой у вас есть один день на Рим, один день на Неаполь, в таком духе. Конечно, вы ничего толком не успеете посмотреть, но вы знаете, где можно начать, потому что *ваш путеводитель* говорит вам: если хотите посмотреть на картины Караваджо, в Риме есть четыре церкви, которые следует посетить. Так что, если вы заинтересуетесь Караваджо, вы будете знать, где искать, когда вернетесь в следующий раз» (р. 115).

Мы написали выше, что тон Джеймисона в этих лекциях в основном жизнерадостный, хотя и слегка ироничный. Единственный, кажется, раз, когда в его речи проскальзывает ощутимая горечь, – это заочная полемика с некой «известной философией-феминисткой»³⁷, которая утверждает, что экзистенциализм сегодня для людей больше не актуален:

«Она говорит, что сегодня мы все это не читаем. Экзистенциальные штуки мы пропускаем сразу. Нам все это философствование больше не нужно. Кто вообще сегодня, говорит она, задает себе вопросы “оправданно ли мое существование?”. Ладно, но разве это хорошо – то, что мы больше не задаем себе больше таких вопросов? Может быть, мы что-то утратили? Должны ли мы сегодня волноваться об оправдании своего существования и вообще обо всех этих онтологических предметах? Она, видимо, думает, что не должны, что все это какая-то античная история, старый хлам, который пусть остается там, в 1940-х и 1950-х во Франции, и где там еще, а мы сегодня можем спокойно об этом забыть, потому что философская проблематика изменилась. Да, изменилась, но, с другой стороны, ведь [эти вопросы] они ставились как метафизическая дилемма об основе существования. Они, что, куда-то исчезли? Если эти вопросы исчезли, если люди больше об этом не говорят,

36 «Путеводитель растерянных» – основной философский труд средневекового еврейского философа Маймонида, написанный в XII веке. Новаторская для того времени работа, с привлечением и осмыслением внешних по отношению к иудаизму систем, в частности, рационализма Аристотеля и теологии ислама.

37 В сносках уточняется, о ком и о каком тексте идет речь: LE DOEUFF M. *Hipparchia's Choice: An Essay Concerning Women, Philosophy, Etc.* New York: Columbia University Press, 2007.

может быть, это само по себе что-то нам сообщает о нынешнем времени? Неужели это не интересно?» (р. 60).

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ПЕРЕКОДИРОВАТЬ
ГОРИЗОНТ...

Безусловно, интересно. Вопросы экзистенции, как иногда Джеймисон проговаривает прямо, а иногда просто отсылает к этому как к самоочевидному, в наши дни заменили «политики идентичности», вопросы общественной справедливости – потребление, респонсбилизация³⁸ и «безальтернативный» капиталистический реализм. Все, что сегодня осталось от когда-то бушевавших теорий социального изменения, – тексты этих теорий, статьи и книги, а также окказиональное отражение этих идей в популярной культуре. Можно сказать, что сегодняшние мы подобны индейцам из примера Леви-Стросса, который Джеймисон не приводит прямо в своих семинарах, но неоднократно к нему отсылает:

«Таким образом, им [бразильским индейцам] не удалось разрешить противоречия общественного устройства или, по крайней мере, сделать их менее явными и губительными с помощью искусственно созданных институтов. Однако средство, которое излечило бы их общество, у них отсутствовало, и они не могли найти его на социальном уровне, что подспудно продолжало их тревожить. Поскольку они были не в состоянии объективно осознать ситуацию, то начали грезить. Причем не в прямой форме, тогда они столкнулись бы с собственными предубеждениями, а в, казалось бы, безобидной – в форме изобразительного искусства. Если анализ верен, то можно понять загадочную притягательность и безосновательную, на первый взгляд, сложность графики кадиувеу, как отражающую образ их общества, с неутоленной страстью стремящегося в символической форме обрести те институты, которые оно могло бы иметь, если бы его интересы и суеверия не препятствовали этому»³⁹.

Действительно ли теории, которые мы забыли, хотя помним имена их авторов (а иногда, как правило, фрагментарно и без контекста, читаем что-то из их работ), были так значительны? Джеймисон настаивает, что да, соглашаясь с цитатой из Алена Бадью про три великих периода в истории философии:

«Во-первых, классическая греческая – я бы скорее сказал афинская – философия между Парменидом и Аристотелем, с пятого по третий век до нашей эры: весьма изобретательный и основополагающий момент, хотя на самом деле довольно недолговечный. [...] Во-вторых, немецкий идеализм между Кантом и Гегелем, через Фихте и Шеллинга: еще один исключительный философский момент, с конца XVIII по начало XIX века, чрезвычайно творческий и сжатый

38 Политика перекалывания ответственности при позднем капитализме, в котором системные проблемы отрицаются и маскируются под персональные неудачи индивидов. Термин введен Марком Фишером в 8-й главе «Капиталистического реализма».

39 Леви-Стросс К. *Печальные тропики*. М.: АСТ, 2018. С. 202.

в еще более короткий промежуток времени. [...В-третьих,] французский философский момент второй половины XX века» (р. 12).

Особое внимание Джеймисон уделяет тому, чтобы правильно описать предпосылки бурных 1960-х. Он начинает с истоков, возвращая в оптику больших нарративов подзабытого сегодня Жан-Поля Сартра и его написанную еще во время войны книгу «Бытие и ничто» (1943), указывая – через противопоставление, заимствования, отрицание – его невидимую, но важнейшую роль в контексте ключевых дискурсов философского десятилетия.

«Как же описать это сартровское бессознательное, если можно его так назвать, которое также называют “недобросовестность” [*bad faith*, буквально «плохая вера», далее Джеймисон играет именно с буквальным прочтением фразы. – А. Г.]? Мы говорим так в английском языке: когда мы спорим с кем-то и они спорят “недобросовестно”. Они не принимают правил игры; они обманывают, и я злюсь и говорю: “Вы не воспринимаете этого всерьез”. Так что недобросовестность – это ложь себе, и, конечно, мы лжем себе во всем, что делаем. Именно это религии имеют в виду, когда говорят, что человеческая жизнь совершенно пуста и мы ничто – в буддизме, например, – или, в религиях Книги, где написано, что мы грешны, мы падшие создания, что у нас падшее сознание и так далее. Все это – попытки выразить на разных языках первоначальное понимание того, что мы всегда находимся на некотором расстоянии [от себя], что мы никогда не сможем быть теми, кто мы есть, ведь мы должны пытаться “быть этим”, что означает, что мы – не “это”. Именно такова роль тревоги во всей этой [проблеме] чистого сознания. Мы всегда чувствуем [его проблеск] в тревоге, потому что она говорит: “Послушай, ты на самом деле ничто, и ты лжешь себе, и вся твоя жизнь – ложь”, и так далее, и тому подобное. Вот почему один из ответов на это – положительный ответ Сартра – заключается в том, что я должен принять себя и свои поступки. Поэтому я принимаю [*affirm*, буквально «утверждаю». – А. Г.] то, что я сделал в прошлом. Я принимаю свои качества как свои – или как не свои, – если я захочу сделать так. Но как именно мы это делаем? Вот где возникает вопрос о других людях⁴⁰» (р. 44).

Для дальнейшей иллюстрации того, что такое *свобода* по Сартру и почему его экзистенциализм не может устареть или выйти из моды, Джеймисон приводит мощную (и неожиданно актуальную) цитату из его эссе «Республика молчания» (1944), написанного немедленно после освобождения Парижа союзниками:

«Мы никогда не были так свободны, как во время немецкой оккупации. Мы были лишены всех прав, в том числе и права говорить, нас

40 Джеймисон отсылает к афоризму Сартра «Ад – это другие люди», который завершает одноактную пьесу «За закрытыми дверями», написанную философом в 1943 году, во время оккупации Парижа нацистами.

оскорбляли в лицо каждый день, и мы должны были молчать, нас всех ссылали: и рабочих, и евреев, и политических заключенных; везде на стенах, на страницах газет, на экране мы видели это грязное и бледное лицо: захватчики хотели, чтобы именно такими мы себя сделали. Именно поэтому мы были свободны. Нацистский яд проникал в наши мысли, и каждая мысль о справедливости была завоеванием. Каждое слово было на вес золота, поскольку вездесущая полиция пыталась заставить нас молчать. Каждая речь становилась ценной как декларация, каждый жест становился обязательством»⁴¹.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
ПЕРЕКОДИРОВАТЬ
ГОРИЗОНТ...

И в другом месте, про Лакана, о том же самом:

«Суть эго – это защита. Это замок. Это все те укрепления, которые вы возводите вокруг себя. Вы хотите защитить себя и обороняться. Это ваше эго. Поэтому, говорит [Лакан], американские аналитики с их эго-терапией⁴² поощряют людей выстраивать все эти защиты. Мы не хотим защит! Быть живым – значит быть открытым для всех этих вещей, включая тревогу, включая страх» (р. 198).

О ТРЕХ УТОНУВШИХ КИТАХ

Вообще если попытаться сложить воедино позицию Джеймсона, который перед уходом из этого мира обзревает его взором знающего и понимающего интеллектуала, получается интересная картина. Ключевые философско-культурные процессы, которые начались с модернизма и продолжились после Второй мировой уже в других областях и с других ракурсов, были запущены под влиянием «трех китов»: марксизма, экзистенциализма и психоанализа. То есть: экономическая проблема справедливости общества, наличие у индивида воли совершать поступки с обретением смысла через действие и возможность произвести исследования и изменения в своей психике, чтобы понять, как все это вообще устроено.

С этими мыслями можно сделать многое (например высказать смелый тезис, что в начале XX века марксизм был по сути *экзистенциальным психоанализом общества*, призывом обратить внимание на эмпирические закономерности и факты, а не следовать господствующему нарративу, который пишет эго правящих классов). Но главное то, что сейчас, если сравнивать с 1960-ми, эти три кита просто ушли, растворились, как и сам пролетариат, распавшийся на загипнотизированных атомизированных *индивидов*. Экзистенциализм больше «не актуален».

41 Перевод Александра Шестопалова, в печатном виде текст не публиковался.

42 Эго-психология – собирательное название американской школы психоанализа, основанной дочерью Фрейда, Анной Фрейд. Лакан считал это направление искажением идей Фрейда в пользу консюмеристского поддержания *status quo* личности вместо возможности ее изменения; он яростно воевал с эго-школой всю свою жизнь (результатом чего, в частности, стало исключение Лакана из Международной психоаналитической ассоциации в 1953 году).

Марксизм не принято вообще принимать всерьез (помним – «альтернативы нет»), даже в сильно адаптированном и *обеззараженном* от «новых левых» виде. Психоанализ как таковой воспринимается в основном через призму (в широком смысле) мемов, а его значимые находки, как отмечал еще семьдесят лет назад Лакан, выродились (иначе не сказать) во всевозможные «психологии» и «психотерапии», направленные просто на поддержание *status quo* эффективного капиталистического индивида. Выходит, из трех двигателей у самолета работает с перебоями только один, ну и понятно, в общем, что ему остается теперь только врезаться в скалу истории.

«Психоанализ показывает нам, что сознание, этот субъект, который мы считали единым, не является таковым. [Психоанализ] совершил свою коперниканскую революцию, и субъект внезапно оказался снаружи. И этнология сделала то же самое. Та буржуазная культура, которую мы считаем [общечеловеческой, – на самом деле лишь одна из [возможных] форм общества, культуры, сознания и всего остального, но есть и много других. [...] Мы должны, по крайней мере, признать, что в мире есть инаковость, которая к нам не относится» (р. 343).

Джеймисон отмечает, что сама ситуация, в принципе, не нова: с конца Второй мировой и до 1960-х как марксизм, так и психоанализ были фактически *non grata*, их не изучали в учебных заведениях, их игнорировала культура, говорить о них считалось странным. С учетом «холодной войны» и недоверия ко всему, скажем так, «восточно-европейскому», причины такого положения дел не требуют объяснений. Но в конце 1950-х все-таки началось возрождение с подачи Сартра, Лакана, Альтюссера и все увеличивавшегося числа других интеллектуалов: им эти теории, уже насчитывавшие полвека истории, потребовалось пересобрать заново и актуализировать, в частности, приспособить к ним важнейшие находки структурализма:

«Хотя Фрейд не знал о Соссюре или лингвистике, но он предвидел, что многое из его находок будет со временем изменено [*cut*, буквально “вырезано”. – А. Г.]. По этой причине Лакан теперь собирает [эти находки заново] вместе и показывает, что сказал бы нам Фрейд, если бы он теперь лучше знал, о чем говорит, [то есть] если бы у него был язык лингвистики. Альтюссер [со своей стороны] сделает что-то смутно похожее с Марксом» (р. 201).

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ

В результате деятельности интеллектуалов, в первую очередь французских (причины уникального исторического положения

Парижа в описываемый период, позволившего всему этому произойти, Джеймисон подробно разбирает, но у нас уже нет места на этом останавливаться), можно сказать, что к концу 1950-х общество оказалось в подобии квантового состояния, из которого могло сколлапсировать в Утопию. В тот же миг, как по волшебству, появились инструменты разговоры с массами – например, метакинематограф «новой волны», – но также возникли неразрешимые технические проблемы (в первую очередь перед одним из лидеров «новой волны» Жаном-Люком Годаром):

«Так что же более революционно: фильм о революции или фильм, в котором революционизируются сами формы повествования, [то есть] в котором внимание уделяется кинематографической революции в формах, как, например, у Эйзенштейна (хотя подлинным культурным героем тут является, скорее, Дзига Вертов⁴³)? Взглянем на это с другой стороны: если вы политический активист и работаете с рабочими и радикальными группами, то эзотерические фильмы о создании фильмов вряд ли вызовут большой интерес своей осознанной революционной техникой. Похоже, у вас проблема» (р. 307).

«В итоге голливудский фильм и [голливудский] реализм, то есть, если можно так выразиться, враг, эпицентр всего этого процесса, закончил тем, что поглотил не только своих конкурентов, но и своих критиков, и своих трансгрессоров, и революционеров. Разумеется, этот процесс – наглядная аллегория исчезновения политики из глобализованного мира» (р. 310).

Решить проблему и наладить мосты между интеллектуалами и народом не удалось, и общество в итоге сколлапсировало – по причинам, которые можно обсуждать бесконечно, – в пост-модернистский неокapитализм. А какие были альтернативы? Куда в идеале общество могло сколлапсировать? Утопия, любимый концепт позднего Джеймисона, вероятно, считывалась для большинства обычных людей того времени (как, впрочем, и сегодня) просто как призыв к *опрощению*, по сути, к самоубийству цивилизации:

«[Леви-Стросс] считает, что история не должна была иметь место, что история, в конечном итоге, случайность – переход от холодных обществ, племенных обществ, к горячим обществам, в которых динамика заканчивается капитализмом. Я полагаю, Леви-Стросс сказал бы, что, как только вы начинаете работать с горячими обществами, приход [в итоге] к капитализму в том или ином виде неизбежен, но примитивные общества не обязательно закончили бы таким образом. История необязательно бы случилась. Современности не

43 После краха революционных надежд в 1968 году Жан-Люк Годар ушел в подполье и начал делать революционное кино с другими политически мотивированными кинематографистами под общим псевдонимом «Groupe Dziga Vertov». До распада в 1972-м они сделали четыре фильма; еще один, про Палестину, был завершен Годаром самостоятельно в 1976-м.

должно было произойти, и на самом деле нам было бы гораздо лучше в примитивном обществе. Думайте об этом [тезисе], что хотите, но такова часть утопического мышления [описываемого] периода» (р. 156).

Общество выбрало путь товарного изобилия и телевизионных сказок. Этот выбор логичен и понятен. Но вот последствия отказа от трех китов модерна:

– *Без марксизма* мы больше не бунтуем против экономических основ общества, мы даже не ставим их под вопрос, ведь «альтернативы нет». Мы живем в мире респонсибилизации: если заработал денег – молодец, если не заработал – сам виноват, таков *органический закон жизни*.

– *Без экзистенциализма* мы не ставим под сомнение собственное существование, приняв за некую усредненную реальность механически-научную картину мира: зачем задаваться вопросом о смысле жизни, живу как живу, жизнь как таковая (то есть ее овеществленное представление) все равно не имеет смысла.

– *Без психоанализа* мы не знаем, почему мы делаем то, что делаем, а психологические мотивационные объяснения, весьма часто смыкающиеся с пошлейшего толка эзотерикой, представляют собой, по сути, непрерывный аутотренинг по поддержанию *status quo*.

Самое главное, что отпечаталось в общественном сознании и почему невозможна никакая революция, никакой новый «золотой век», никакие новые 1960-е: средний человек ныне твердо убежден, что утописты, идейные, леваки – можно называть их как угодно – исторически проиграли (как именно и кому они проиграли и почему так произошло, он никогда не задумывается), а любые интеллектуалы сегодня опять *подозрительны*, потому что стремятся к нарушению существующего порядка (а может, желают загнать нас, *нормальных людей*, в ГУЛАГ).

Эту оптику Джеймисон предсказал и описал в «Постмодернизме» еще до рождения многих сегодняшних ее носителей, которые помнят СССР только по кинофильмам:

«Либидинальный страх или фантазия, говорящая о том, что утопическое общество, утопическое “примирение субъекта и объекта” станет почему-то *местом отрицания и упрощения жизни*, уничтожения увлекательных городских различий, приглушения чувственных стимулов (в таком случае открыто используются опасения сексуального подавления и табу), то есть в конечном счете возвращением к простым “органическим” деревенским формам “сельского идиотизма”, из которых было исключено все то сложное и интересное, что связано с “западной цивилизацией”. [...] Реймонд

Уильямс в одной из своих поздних работ лаконично опроверг это, указав на то, что *социализм будет не проще капитализма, а напротив, намного сложнее*; более того, представить себе повседневную жизнь и организацию общества, в котором люди впервые в человеческой истории полностью контролируют свою собственную судьбу – задача, для сознания настолько сложная, что субъектам сегодняшнего “управляемого мира” она *представляется непомерной и, как легко понять, зачастую пугающей* (р. 649).

Еще одна вещь, которая беспокоит Джеймисона: несмотря на видимость возвращения к системному изучению знания и колоссальной доступности важных теоретических книг, которой не было никогда раньше в истории, то, что было когда-то философскими системами, теперь становится просто... «эстетическим выбором» (р. 261) в соответствии с *внутренним чувством*. Наверное, можно и это назвать в широком смысле продолжением глобального процесса *овеществления*.

В этом есть «вина» и самих «шестидесятников»: колоссальная сложность их наследия, его мультидисциплинарный охват, нередкие взаимоисключающие высказывания и многоуровневые теории, экспериментальные попытки описать то, что раньше не было никем описано, для проверки которых нет других источников, кроме их же текстов, – все это вызывает в голове неподготовленного человека ту самую постмодернистскую фрагментацию, или же он выбирает одного–двух авторов и придерживается именно их системы, как будто это вопрос «фанатения» от рок-группы. Но и работы этих авторов тоже суть фрагменты, и вряд ли доскональное изучение, например, только текстов Лакана, поможет ответить на все вопросы о мире, жизни и обществе.

«Мы теперь находимся в ситуации, когда больше нет никаких абсолютов. Мы не достигнем стадии высшей истины [...] Что можно сделать с окончательно определяющей инстанцией? Является ли психоанализ высшей истиной для Лакана? Что касается Реального, мы никогда не узнаем, что это такое, пока оно не подавит нас, и, следовательно, только когда мы ослеплены им, мы только и можем, в принципе, коснуться его. Является ли это истиной, абсолютом? А как насчет лингвистики для каждого из [этих авторов]? Может ли существовать наука о лингвистике? Может ли существовать наука в принципе? Или это еще одна иллюзорная концепция? Все, что нам остается при отсутствии какого-либо абсолюта – выяснить, какова локальная истина для каждого из этих этапов [мысли]» (р. 250).

AFTER THE GOLD RUSH

Закончить этот текст на духоподъемной ноте непросто. Гуманитарных ученых такого калибра, как Джеймисон, больше практически нет, а новое поколение занимается в основном именно что изучением фрагментов и фрагментов фрагментов разбившейся когда-то (сразу же после появления, если вообще не в его процессе) огромной и прекрасной вазы знания.

Хотелось бы добавить, что книга неспроста называется «Годы теории» (что вызывает в памяти «Годы учения Вильгельма Мейстера» Гёте и «Годы странствий» Ференца Листа), а в ее названии нет слова «философия». Джеймисон намеренно избегает этого слова – несмотря на сравнение с золотым периодом «афинской школы», который мы знаем именно как *философский*. Причина в том, что если для древнего (и даже для модернистского) человека философия была тем, что должно было изменить сам образ его мышления и поведения, то для сегодняшнего фрагментированного индивида «философия» есть только интеллектуальное созерцание, биодобавка к прочному капиталистическому образу жизни.

«Теория всегда очень близка к тому, чтобы сползти в системность, но именно по этой причине она всегда будет настаивать на языковой [сущности] и на лингвистическом конструировании тех предметов, что ранее рассматривались как реальности, метафизические или иные, а теперь должны быть признаны как чистые конструкции. [Теория –] это попытка сделать что-то, что раньше было делом философии, в ситуации, в которой философия более невозможна» (р. 367).

В то же время *теория* (вспомним, что Джеймисон жалуется, как никто не понимает сегодня эту его идею) подразумевает и какую-то *практику*, другую сторону монеты. Да, прочесть все те книги, которые старый ученый упоминает в своем последнем цикле лекций, будет очень интеллектуально полезно. Но этого недостаточно. Нужно действовать. Но что же именно надо делать?

Жан-Люк Годар в 1970 году от имени «Группы Дзиги Вертова» писал, что «надо просто открыть глаза и познавать мир во имя диктатуры пролетариата». Пролетариата, правда, больше нет, да и мира, наверное, скоро не станет – по крайней мере в таком виде, в котором мы его знали.

Теория только подготавливает понимание для ответа на вопрос «Что делать?», который должен прийти изнутри. А пока – учитесь думать, учитесь видеть и никогда не прекращайте *учиться тому, как учиться*, – такое завещание нам оставил великий Фредрик Джеймисон.